



Территория Творчества

Крылья

Девять Жизней

Валентина Спирина
Крылья. Девять Жизней

«Издательские решения»

Спирина В.

Крылья. Девять Жизней / В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961076-8

Крылья ангела и крылья птицы, крылья самолета и крылья души, крылья дракона и крылья бабочки... Крылья... Крылья... Крылья... Всё, что связано с крыльями — самая красивая, мистическая, необычная проза и поэзия в новом сборнике от проекта «Девять Жизней» — «Крылья».

ISBN 978-5-44-961076-8

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Ирина Кульджанова	6
Крылья	7
Елена Сычева	10
Крылья для Инессы	11
Юлия Алексеева	13
Ангел Удача	14
Надежда Белякова	16
Крылья	17
Елена Мельниченко	19
Жизнь после свадьбы	20
Людмила Ромашкина	22
Рожденные летать	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Крылья Девять Жизней

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

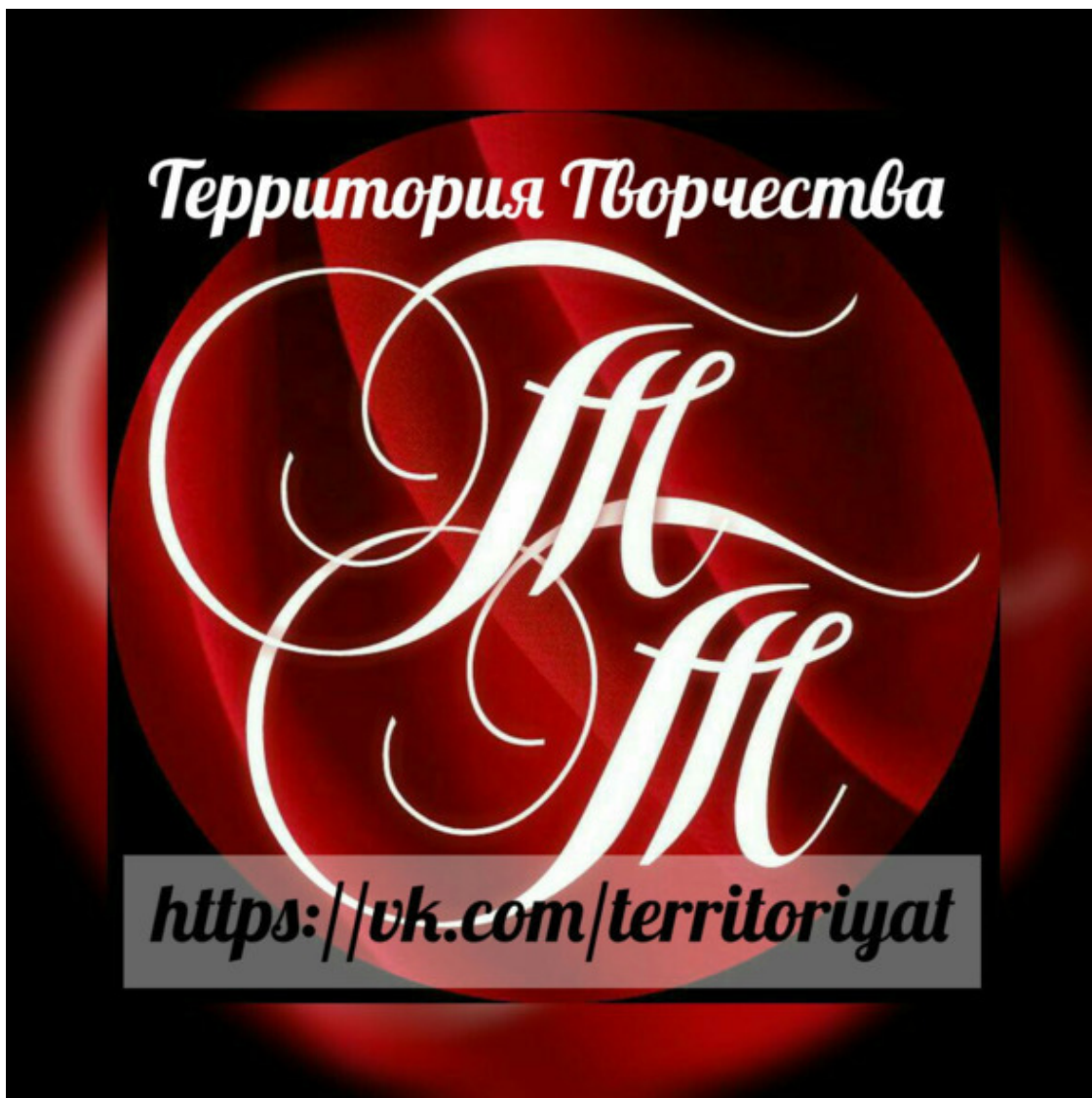
Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-1076-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения и фотографии в сборнике размещены с согласия авторов и соавторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции. Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com



Ирина Кульджанова



Крылья

– С этим жить нельзя. Ты же понимаешь, что так жить дальше невозможно? Ты себя когда последний раз в зеркало видела? Хорошо, что поняла, что нужна тебе помощь, и что дошла до меня наконец...

Татьяна что-то говорила и говорила, мимоходом швырнув Ольке под ноги тапки и уводя ее из тесной прихожки в такую же тесную гостиную. Ольга жалко улыбалась, отводила взгляд и смаргивала. Сказать было, вроде как и ничего, да и Татьяна не особо нуждалась в ответах.

– Значит так, подруга. Мы виделись с тобой ровно год назад. Чай пить будем опосля, сначала посмотрю тебя. Помню, ты собиралась дописывать работу, и планов было громадь, и настроения радужные. Где это все? Давай будем посмотреть. Тааак... ну, судя по глазам, боли головные, и не первый месяц. И не спишь толком. Стой ровно.

Ольга застыла, ссутулившись, в середине маленького зала, битком набитом мебелью и невероятным количеством мелких вещей. Она не бывала тут раньше, но ощущение плотно забитого ненужным хламом пространства было почти родным. От него тошнило, хотелось свернуться в маленький комочек и затеряться в бардаке еще одной ненужной вещью.

– Оль, вот ты ж сама врач, ты хоть понимаешь, что у тебя не спина, а сплошной боляк? Ты сама мне по психосоматике целыми лекциями мозг выносила! Ты кандидатскую даже по одной из смежных тем писала! Ладно. Будет больно. И лучше, чтобы ты поплакала, ага? И поорать не мешает... Поехали!

Больно было невыносимо. Татьяна находила на Олькиных висках, скулах, затылке какие-то невозможно болючие от одного прикосновения точки и давила, и кружила сильными пальцами по ним, приговаривая:

– Нет, только подумайте, столько накопить барахла! Трудяжка ты моя, девочка моя запасливая, что ж ты себе тут набрала, вот зачем тебе это все, вот оно ж не нужно...

Поначалу Ольга что есть силы замжуривалась, и стискивала зубы, и задерживала дыхание.

– Так не пойдет! Вдыхаешь носом, глубоко, до матки, дышишь «в боль», выдыхаешь ртом.

А Ольке казалось, что височная кость ее не выдержит такого напора и вот, сейчас, с нежным хрустом вдавится в мозг.

Перед глазами суетились и прыгали мушки, дыхание от боли прерывалось на мгновение, а потом воздух мучительно выдыхался и становилось немного легче. В какой-то момент – Ольга даже не поняла, когда – словно открылись шлюзы и из нее хлынули слезы. Они лились в непонятном и бесконтрольном режиме, словно сами по себе, ничего не высвобождая внутри, без всхлипов и облегчения.

– Так, спина от затылка до... до... до первого поясничного вся фонит. А это еще что?

Сильные пальцы еще на раз перебрали остистые отростки нижних грудных позвонков.

Потом Татьяна медленно обошла подругу, встала перед ней. Набрала побольше воздуха, не решилась сказать, выдохнула. Ольга почуяла неладное, но отводила упорно взгляд и смаргивала беспрестанно льющиеся слезы.

– Там были крылья. Как у каждой обычной женщины. Обычные такие крылья. Без которых она – женщина – творить не может. И перестает выполнять свое предназначение. Перестает жить и просто существует.

Ее слова, тихие и печальные, были больше всего, что им предшествовало.

– О чем ты?

Слова дались Ольке с трудом, она уже знала, что услышит в ответ, но все еще надеялась, что все будет по другому.

– Оль, ты же знаешь, о чем я. Неужели ты думаешь, что можно вот так, запросто и безнаказанно, отказаться от самой себя? Кто там находится рядом с тобой и с улыбкой говорит тебе изо дня в день: «Ты, конечно, молодец, но все же...»? Ради кого ты так щедро и покорно отчикала все свое творческое начало? Ты не можешь не знать – это близкий тебе человек... Мама? Муж? Подруга? Это не просто близкий, это значимый человек.

Олька молчала. Отводила взгляд. Сглатывала. Рассказать было невозможно.

– Что-то можно сделать?

– Можно... Я поработаю, но... Что я могу поделаться, пока ты сама не признаешься, хотя бы сама себе? Ты молчишь... Смотри, вот тут – она воткнула большие пальцы Ольке куда-то под углы нижней челюсти, – твоя боль. Каждый раз, когда ты молчишь на то болезненное, что тебе говорят, когда ты стискиваешь зубы, когда улыбаешься через силу – твоя боль и напряжение остаются тут. Я уверена, что даже во сне ты так боишься произнести вслух то, что тебе важно, контроль так силен – что ты просто скрипишь зубами. Это напряжение держит давно и шею, и плечи, и добралось уже до нижнего грудного отдела. Ты глотаешь эту боль кусками, и вот они все, спрессованы в твоём солнечном. После еды больно?

Олька молча кивнула. Слезы закончились. Все, что говорила Татьяна, теперь доносилось, как сквозь вату. Страшно хотелось спать...

Татьяна еще что-то говорила. Находила в ее теле что-то болючее, заставляла дышать, снабжала носовыми платками. Иногда Ольке становилось так больно, что хотелось закричать – но не получалось. Вместо крика получался только мучительный прерывистый выдох.

– Я знаю, что это за человек. Это – ты сама.

И потом боль закончилась. Словно ее и не было. Ощущение было странное и непривычное – между лопаток и чуть ниже снизу вверх теплилось мягкое и невесомое.

– Так, порядок. Осталось чуть-чуть.

Таня отступила на шаг, оглядела Ольку с ног до головы. Покачала головой. Вернулась, ощупала ее шею.

– Тебе кивнуть вперед или назад голову откинуть больно?

– Вперед...

– Вспоминай, когда и кому не сказала «Да»?

– Вспомнила...

– Ну так скажи!

– Ему не нужно...

– Это не важно! Важно сказать. Ну же!

– Нет... Я не могу...

Таня устало опустила руки.

– Этого человека ведь больше нет в твоей жизни? И свое «да» ты скажешь самой себе, тебе нужно...

– Есть, Тань. Ничего не могу поделаться. Он есть. И я хочу сказать это «да». Только уже поздно. А самой себе – это не по-настоящему. Это не работает.

– И что дальше?

– Ничего. Дальше ничего. Поэтому они не отрастут, а я больше не живу. Зря я пришла, прости. Хотя нет, мне и вправду гораздо легче, чем было... Спасибо... Пойду.

Татьяна смотрела в окно вслед сутулой, медленно бредущей на автобусную остановку подруге. Вспомнила, что у той, по сути, все было для счастья. Муж, дети, работа, друзья. Вспомнила отвратительное ощущение пустоты под ладошкой в проекции нижних грудных позвонков. Передернула плечами.

– Упаси Господь...

Елена Сычева



Крылья для Инессы

Маленькой Инессе было 6 лет. Она хорошая жизнерадостная девчушка. У нее было очень доброе сердце. А еще она очень любила смотреть мультики, особенно про феечек.

– Мама, я тоже буду летать, как они.

– Да, принцесса. – едва сдерживая слезы, отвечала ей мать.

Девочка не то что летать, она больше не сможет ходить – ей ампутировали ноги, теперь она прикована к инвалидному креслу.

Полгода назад какой-то пьяный бизнесмен переехал девочку на своем навороченном джипе и скрылся. Инессу едва спасли, а ножки пришлось ампутировать.

Мать Инессы вдова, раньше она работала в детском садике, но теперь ей пришлось уволиться и посвятить себя жизни дочери. Жили они на пособие по инвалидности. Денег едва хватало только на самое необходимое.

– Мама, вот увидишь, я стану феечкой и обязательно полечу. Только мне нужно купить крылья. Пойдем в магазин.

– Хорошо, малышка, пойдем поищем тебе крылья.

Собравшись, они отправились в магазин.

Когда они добрались до магазина, Инессе пришлось остаться на улице и ждать маму, потому что на входе в магазин были огромные ступеньки, а пандуса для инвалидов не предусмотрено.

– Подожди меня здесь, пойду посмотрю – продают ли здесь крылья. Никуда не отлучайся и ни с кем не разговаривай – я скоро.

– Хорошо, мамочка.

Инесса развернула свое кресло в сторону проезжей части и стала рассматривать прохожих.

На дороге мчались машины, по тротуару шли люди, занятые своими мыслями. Кто-то окидывал взглядом девочку в инвалидной коляске и с сожалением покачивал головой, кто-то смотрел на нее так, как-будто увидел что-то страшное. Но Инесса не обращала на них внимание.

Вдруг она заметила, как мимо идет мужчина в очках, уткнулся в свой телефон и увлеченно что-то там читает. Он был погружен в свой телефон настолько, что не заметил, как сделал несколько шагов на проезжую часть, чтобы перейти дорогу. Из-за поворота показались фары машины.

«Он что, совсем слепой или ему жить надоело» – подумала девочка. И что есть силы начала крутить колеса своей коляски в сторону этого мужчины.

– Дядя, стой! Дядя! Машина!

Мужчина оторопел, остановился и начал оглядываться на крик. В доли секунды, девочка откинула его своей коляской от проезжей части, мимо промчалась какая-то иномарка.

– Дядя, ты что! – ругала его малышка, – совсем, что ли!

Мужчина опешив, начал подниматься с земли и отряхиваться. Поднял очки и протер их краешком своей рубахи и второпях надел их на нос.

– Ты! Это ты! Инесса! – вскрикнул дядя.

– Да меня зовут Инесса, я скоро стану феей. А вы, что, меня знаете?

Тем временем из магазина на крик выбежала мать девочки.

– Что здесь происходит! Я же попросила тебя никуда не «отходить» и не разговаривать с незнакомыми людьми.

– Не ругайтесь, ваша дочь только что спасла мне жизнь. Я, как раз, вас искал. Забыл представиться, меня зовут Ангел Михайлович. Я врач и пишу докторскую работу. Я узнал о вашем случае в статье из интернета и решил найти и помочь вам. Вам нужно поехать со мной.

– Спасибо конечно, но мы не можем ехать, у нас нет таких средств, да и вообще... нам уже ничто не поможет. – ответила мать девочки.

– Мамочка, ну что же ты так сразу, давай пригласим дядю, хотя бы на чай к нам домой.

Мама не могла отказать дочке. Они втроем отправились домой. Затем, в процессе чайной церемонии, в знак благодарности друг другу за помощь, Ангелу все же удалось уговорить мать девочки о поездке с ним.

Прошло два года...

Обычная средняя школа. 30 декабря новогодний утренник. И наша, немного повзрослевшая, Инесса, уже танцует в школьном театре роль феи танца. У нее роскошный костюм, белая пачка, как у балерин, из под которой едва проглядывают 2 протеза, глядя на которые и не скажешь, что это протезы, а за спиной огромные красивые крылья, как и подобает феям.

Она танцует, делает прыжки, словно парит. Закончив свой номер, она выходит на авансцену и смотрит в зрительный зал, где сидит ее мама и дядя Миша, а вернее сказать, теперь уже ее папа, тот самый доктор, который поставил Инессу на протезы и научил заново ходить.

Делает поклон, подходит к микрофону и говорит:

– Вот, видишь мамочка, я же говорила, что буду летать как фея. Мой Ангел, Миша, Спасибо за крылья!

Юлия Алексеева



Ангел Удача

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой, по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих.

Ангел стоял на крыше пятиэтажки, подставив руки под капли. Ему нравилось наблюдать как дождь стекает по его красивым тонким пальцам.

Мысленный призыв названного брата прервал его любование.

Вих* (именно такое имя было дано ему при рождении) расправил огромные крылья.

Они были почти чёрными. Одно перо на правом крыле выбивалось из безупречной гармонии белым пятном.

Ангел улыбнулся. Сегодня он исправит это, закончит свою работу и обретет долгожданное бессмертие.

Несколько минут полёта по вечернему городу и ангел оказался на другой крыше, где его ждал брат – высокий, темноволосый Сурум*.

Дождь стих.

– Рад тебя видеть, Вих! – брат кивнул головой в сторону темного силуэта, стоящего на краю крыши, – твоё последнее испытание. Все очень просто: толкни её в спину и будешь жить вечно, как я!

– Кто она? – молодой ангел никогда раньше не интересовался жизнями людей, которых ему нужно было добить, чтобы окрасить свои крылья в цвет траура.

– Какая-то молодая девчонка, решившая покончить с собой. Наверное несчастная любовь! – со смехом и безразличием ответил Сурум, – какая нам, ангелам, разница? Люди глупы и не ведают, что творят. Эта девочка сама сделала свой выбор, просто помоги ей его принять.

Вих медленно подошёл к девушке и, неожиданно для самого себя, вдруг обошел её справа, чтобы увидеть.

На вид ей было не больше 16-ти. Огромные голубые глаза, спутанные прядки розовых волос.

– Что ты делаешь, брат? Зачем ты на неё смотришь? Не смотри на нее! – закричал Сурум, но Вих не слушал его.

Он заглянул в ее глаза, полные отчаяния и страха.

Вих никогда не смотрел в глаза своим жертвам, не запоминал их лица, но сейчас все те, кому он помог умереть, вдруг ожили в глазах этой девочки.

Ангел вспомнил их всех молодых и старых, всех, после смерти которых, его крылья обрели чёрный окрас.

«Ты помог им умереть! Ты добил их, лишь для того, чтобы обрести вечную жизнь!» – эта мысль почти физически пронзила его.

– Люди такие хрупкие, но они тоже хотят жить! Я больше не хочу убивать их! – крикнул Вих брату и принял решение – сложил свои крылья и шагнул вниз с крыши спиной вперёд.

– Нееет! – закричал Сурум и бросился к краю.

Девушка словно очнулась ото сна. Она вздрогнула и сделала несколько шагов назад.

Вих летел вниз и смотрел в её голубые как и у него глаза.

– Живи! – успел крикнуть он прежде, чем упал спиной на мокрый асфальт.

Ангел задохнулся от боли. Оба крыла и позвоночник были сломаны.

Из его красивого рта потекла струйка крови.

Впервые в жизни он узнал, что испытывают люди перед тем как умереть.

Вих раскаялся. Страх, боль и пустота.

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой,
по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих.

На асфальте лежал мёртвый ангел с ослепительно белыми крыльями.

P.S. Viht- удача на эстонском.

Surt- смерть на эстонском.

Надежда Белякова



Крылья

Жил на свете человек добрый и веселый.

Он любил, прогуливаясь, напевать песенки. Шутить, встречая соседей и знакомых. Так текли дни его бесшабашной молодости.

Однажды, увидев на речном берегу груды камней, он живо представил себе, какой прекрасный и величественный собор можно было бы построить из них. Как любовались бы прекрасным собором люди, прогуливаясь вдоль реки. Приводили бы сюда детей. Весело играли бы с ними. Влюбленные пели бы песни... И с этими приятными мыслями заснул. Легко и сладко.

Проснулся он оттого, что щебетали птички. Наблюдая за их полетом, он размышлялся о том, что было бы чудесно придумать и сделать такие крылья, чтобы можно было летать на них, приветливо помахивая смешливым и румяным соседкам. И уж было, почти придумал, но отвлекся. Потому что прямо на его глазах полевой цветок, в предчувствии наступающей вечерней прохлады, складывал свои лепестки, защищая хрупкие тычинки.

И задумался наш добряк и весельчак о том, как мудро устроен этот цветок! Он размышлял о том, как хорошо было бы, чтобы и жилище человека стало таким, как этот чудесный цветок, сохраняя тепло ушедшего дня в наступившей ночи.

Проводя время в любовании цветком, он, впрочем, опять легко отвлекся, наблюдая за повадками птиц и зверей. Движение туч и непрерывное течение рек – все восхищало его красотой заложенного в них смысла.

И поэтому, как Вы уже догадались, не нажил тот человек ни богатств, ни крепкого добротного дома. Ни семьи. Ни детей. Так и пролетели годы, как беззаботные деньки.

И, однажды, подойдя к зеркалу, внимательно рассматривая свое отражение, он увидел, что уже мало, что напоминало того добродушного румяного весельчака. Лицо его избородили глубокие морщины, седина опускалась до плеч, стали белыми его усы и борода. И он подумал: «Ах! Как славно было бы изобрести эликсир молодости. Чтобы люди жили вечно!»

И почти, было, улетел высоко в своих мечтах, но вдруг увидел в отражении потускневшего зеркала, что не он один отражается в зеркале, что за его спиной стоит светлокрылый ангел. Улыбка на его лице – печальная и светлая – была так похожа на улыбку покойной его мамы. И глаза такие же нежные, голубые. Ангел печально опустил их и покачал головой так, что горечь и отчаяние охватили душу старика. Он понял, что хотел сказать ангел: «Пора!»

Горечь раскаяния захлестнула его за бесплодно прожитые дни. Что ничто уж теперь, точно, не создаст он! Ничем в благодарность за счастье рождения, ничем не осчастливит людей.

– Не горюй! – прошептал ангел, – Создатель ждет тебя! Он печалился в сердце своем от того, что люди, занятые приумножением своих богатств, славы, в жалкой попытке запастись счастьем на всю жизнь, которую они частенько путают с вечностью, они не находят времени заметить его старания и его заботу о них. Им все кажется, что всего они достигают сами. Сами. Сами. Они не замечают той красоты, которой он окружил их. Только в твоей душе находил он живой отклик и благодарность за созданную им на Земле красоту.

– Но я мог бы столько создать в этом прекрасном и божьем мире! Помочь людям увидеть красоты вечного праздника божьей благодати, восхищения перед творением и милостью Создателя! – рыдал человек. А я так ничего и не совершил, не успел...

– Ах, это! – рассмеялся ангел, всплеснув крыльями, – об этом вовсе не печалься. Ведь только Создатель решает, быть ли камням собором или оставаться грудой камней до поры до времени. Помнишь, ты хотел быть крылатым и летать?

И человек почувствовал, что за спиной выросли крылья. Он взглянул в зеркало и увидел – действительно – эти прекрасные крылья, такие же, как у ангела. Теперь их было не отличить

друг от друга. И он оглянулся. Взглянул с нежностью и печалью на лежащего на полу старика. Но тот не ответил ему улыбкой.

И два светящихся огонька в ночи летели над рождественским городком. А вскоре и вовсе затерялись среди звёзд.

Они летели туда, где высится беспредельный собор, сложенный из множества прожитых жизней. Похожий, на те, что возвышаются и здесь на Земле, сложенные из камней.

Там цветут неувядающие цветы. В лепестках своих, как за надежными стенами, хранящие тех, кому дорога была красота всех цветов на Земле. И нектар этих цветов стал превращаться в эликсир вечной молодости.

Но..., впрочем, может быть, это был лишь сон одинокого старика в Рождественскую ночь.

Елена Мельниченко



Жизнь после свадьбы

– При-и-и-инц! При-и-и-инц!

Истошный вопль почти достиг высоты ультразвука, заставив треснуть в нескольких местах стены дворца. Его обитатели поспешили спрятаться, кто куда, лишь бы не слышать этого жуткого визга и, главное, не попасться на глаза разъярённой принцессе.

– При-и-инц! – она с ноги, чуть не сорвав с петель, открыла дверь в комнату.

Принц лежал на полу возле кровати лицом вниз и постанывал.

– Милая, можешь потише орать? – непослушный язык, выкручивая различные кренделя, кроме тех, какие нужны, с трудом позволил принцу произнести эти слова.

– Поттише, значит?! – принцесса упёрла руки в боки и сдвинула брови. – А вчера кто вместе с жабами в три глотки горланил на всю округу?

– Так ведь, день рождения был у жабы-сына, – принц кряхтя принял сидячее положение, двумя руками держась за голову, – Дорогая, можешь не вертеться вокруг меня?

– Совсем ошалел, что ли?! Я, вообще-то, на одном месте стою, это у тебя в глазах всё вертится! Так тебе и надо! Нечего было вчера росу с конопли да белены пить!

– Так ведь, день рождения же...

– Да, да, у жабы-сына. Лучше скажи, ты зачем в муравейник полез вчера?

– В мул... мурев... му-ра... вей-ник?

– Угу. Разворошил там всё с криками «Долой интеллигенцию! Свободу трудящимся! Забастовка! Забастовка! Всем выходной!».

– Я так кричал? – глаза принца приняли размер стрекозиных.

– Кричал, кричал! А потом вообще непотребство устроил: бои на жуках! Надо же было до такого додуматься! Некоторые жуки, между прочим, от твоих развлечений в травмпункте теперь сидят с переломанными крыльями! Хорошо, пчёлы вовремя вмешались, иначе жертв было бы больше.

– Ничего не помню... – принц судорожно глотал воздух.

– И как стрекоз объездить пытался, тоже не помнишь? Восемнадцать цветочных домиков разрушил, пока объезжал!

– Стрекоз? Стрекоз, кажется, помню... Домики... не помню...

– А бабочек вчера зачем разрисовал? Тоже мне, Пикассо нашёлся! «Креатив! Авангард! Новое веяние!» От таких бабочек даже пауки попрятались!

Принц шмыгнул носом:

– Я... всё исправлю.

– Конечно исправишь! Скажи спасибо, что я отговорила пчёл жалобу на тебя подавать в верховный совет эльфов!

– Жалобу? – испуганно икнул принц. – Из-за дня рождения?

– Нет. Из-за костра.

– Какого костра?

– Того самого, что ты вчера посреди луга развёл! А потом заставлял гусениц и улиток через него прыгать! Жареные улитки, знаешь ли, сомнительный десерт. Ласточки на тебя нет! При ней ты себя смиренно ведёшь!

– Я больше не буду...

– Угу. Это ты и после годовщины свадьбы говорил, и после нового года, и два года назад после своего дня рождения. Эх, надо было мне замуж за крота выходить. Подумаешь, жила бы под землёй, зато тихо и спокойно, – принцесса покачала головой. – Идём, горе моё.

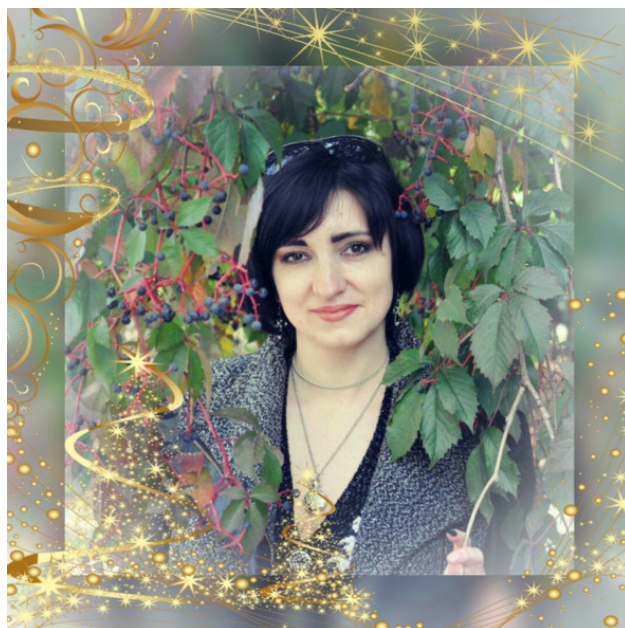
– Куда?

– Как куда?! Сначала перед подданными извинишься. А потом – на исправительные работы! Поможешь муравейник восстановить и цветочные домики отстроить заново.

– А почему «пойдём»? Ой, а где мои крылья? – принц стоял на трясущихся ногах и пытался ощупать спину, где ещё вчера были крылья; такие нежные, прозрачные, быстрые крылышки.

– А крылья я тебе верну, когда все работы выполнишь! И смотри у меня, – погрозила пальцем Дюймовочка, – чтобы никакой больше конопляной росы!

Людмила Ромашкина



Рожденные летать

Утро в мегаполисе всегда выглядит одинаково. Снуют в разные стороны разномастные автомобили. Пассажиры метро и автобусов дремлют на потертых сидениях, слабо реагируя на окружающих, находясь еще во власти несвязных обрывков сновидений. Водители нервничают и сигналият на светофорах зазевавшимся пешеходам. Город встречает своих жильцов, окутывая тонкой вуалью пыли и смешанным ароматом листьев, выхлопных газов и дорогого парфюма.

Все дни в мегаполисе похожи друг на друга. Только мелкие детали, которые часто даже не замечаются, и рисуют картину жизни, отделяя один день от другого.

Поток машин мчался по мостовой, старательно объезжая лежащий посреди дороги странный предмет. Этот предмет имел неопределенную форму, щетинился обгоревшими остовами когда-то мягких перьев, покрытых пылью и копотью. Нет, решительно никому не было дело до крыла в это обычное суетное утро. Только коммунальщики заинтересовались, подняли крыло и забросили в мусорный контейнер, навсегда похоронив его под грудой объедков и ветоши.

Высокая светловолосая женщина вела за руку ребенка, девочку. Худенькая фигурка сутулилась и медленно передвигала ногами, цепляя каблуками туфель опавшие листья.

– На кого ты похожа, Лиза? – с раздражением в голосе говорила мать. – Волосы растрепаны, туфли грязные!

Женщина грубо дернула ребенка за руку и цыкнула, выражая недовольство. Девочка еще больше понурила голову, рассматривая свои пыльные туфельки.

– Когда ты будешь за собой следить? Ты же – девочка! Выглядишь, как оборванка какая! Мы с папой трудимся не покладая рук, чтобы тебя накормить и одеть! Все лучшее для тебя, – женщина выделила «тебя» интонацией, – чтобы ты не горбатилась, как мы, всю жизнь на работе! Чтобы детство у тебя было не такое, как у нас! А ты не ценишь ничего, неблагодарная!

Девочка молчала. Дернула плечиками, поправляя лямку рюкзака. Они подошли к остановке. Разноцветно одетые люди делили маленький пятячок асфальта под пластиковым навесом со своими мыслями, планами на вечер, мечтами. Эти желания были настолько реальны, что их можно было не только прочесть на лицах людей, но и физически увидеть, а может, даже потрогать.

Кого-то дома ждет любимый человек и его образ сейчас ласково смотрит на коротко стриженую девушку в синем платье.

Кого-то голодные коты, они разбрелись по остановке, призывно мяукая и цепляясь хвостами за ноги людей.

Одни обдумывают, что надеть на знакомство с будущей свекровью, другие – заполняют месячный отчет.

Все можно увидеть, если внимательно присмотреться. Но лица людей обращены в сторону выцветшей таблички с номером подошедшего автобуса.

– Иди, я сейчас подойду. – Женщина остановилась у ларька, где продавали сигареты, семечки и пиво. Расстегнула сумку, долго что-то в ней искала. Потом наклонилась к окошку с зажатой в руке купюрой и приветливо заулыбалась, встретив знакомое лицо.

Дочка еще некоторое время постояла, потом поняла, что это надолго и отойдя в сторону, присела на край ступеньки, что ведут к университетскому парку.

– Можно присесть?

Рядом с девочкой стоял парень. Его глаза, лазурно-голубые, могли смело соперничать с летним небом или морской гладью. Он был старше Лизы, невысок и худощав. Светло-русые

волосы отливали бронзой в лучах солнца. Одет в потрепанный маскарадный костюм, непонятного персонажа.

– А ты кто такой? – вместо ответа буркнула школьница, косясь то на мать, то на незнакомца.

– Я ангел, – сказал юноша и присел рядом, потом печально вздохнул и поправился, – вернее, был ангелом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.